

бывать в прохладной альпийской зоне южной цепи Заилийского Алатау, и в последние годы даже не возвращался на зимовки в илийскую равнину, зазимовывая в глубоких и хорошо защищённых долинах и ущельях Заилийского Алатау. Таким образом, связь Тарыбека с остальными родами племени атбанов постепенно ослабела, и он даже перестал платить обычную дань своему старшему султану.

Тезек, прибывший вслед за мной в богинские владения с сильным отрядом, хотел воспользоваться этим случаем для того, чтобы восстановить своё владычество над пройденными им попутно землями всего своего племени. Не подозревая никакой опасности, он явился с конвоем из четырёх своих всадников в аул Тарыбека для переговоров по упомянутому предмету и был встречен этим последним с почётом. Но на другой день, когда требования Тезека не понравились Тарыбеку, он был вероломно им схвачен и скован. В последующую затем ночь двум из всадников Тезека удалось спастись бегством. Один из них направился по его поручению ко мне, а другой—к верному его другу, знаменитому атбанскому батырю Атамкулу, находившемуся в богинских аулах с частью тезекова отряда. Два же остальных всадника Тезека остались с ним в заключении.

Получив неожиданное известие об участии Тезека, я немедленно решил, что бы то ни стало поспешить на выручку своего союзника и поднял весь свой отряд в обратный путь. Не имея при себе верблюдов, мы могли ехать с большой быстротой и глубокой ночью уже достигли кочевьев Токсобы. Здесь мы отдохнули несколько часов в ожидании перемены лошадей.

На следующий день, 10 июля, мы выехали на этих свежих лошадях на рассвете, проехав с необыкновенной быстротой весь путь, вернулись тотчас после полудня к Бурамбаю, который уже сделал распоряжение о сборе лошадей и людей для нашей экспедиции на выручку Тезека. К 8 часам [вечера всё было собрано. В состав нашего отряда вошли: 40 казаков моего конвоя (10 казаков с моими вьюками и Кошаровым я оставил в аулах Бурамбая), 200 атбанцев под начальством храброго и верного Тезеку Атамкула и, наконец, 800 богинских всадников под начальством сына Бурамбая Эмирзака, жена которого была возвращена мной из вражьего плена. Мы были снаряжены так, что каждый из казаков и атбанцев имели по две осёдланных лошади, из которых на одной он скакал, а другая бежала за ним в поводу, и он пересаживался с одной на другую через каждые тридцать вёрст.

Перед своим отъездом я навсегда простился с почтенным старцем Бурамбаем. Я благодарил его за то содействие, без которого я не мог бы проникнуть в долины Тянь-шаня и нагорные выси Тенгри-тага, и повторил ему свое обещание содействовать всеми силами к принятию его в русское подданство. Прощание наше было тем более трогательно, что каждый из нас глубоко сознавал, чем мы друг другу обязаны.

Тронулись мы в путь ранее 9 часов вечера и при помощи запасных лошадей на рассвете 11 июля достигли до кочевьев Тарыбека, находивших-